

ЯМЦКО ГМТЛСРВА

Николай Норд

В городе совершено убийство неизвестного, подозреваемая — жена главного героя, улики указывают именно на нее. Однако исчезает и она сама. Милиция начинает ее поиски. Параллельно с этим собственное расследование ведет и главный герой — бывший боксер, а ныне молодой профессор института, который не верит в то, что его супруга — преступник. В расследовании этого дела ему помогает старый друг, дружба с которым началась еще в далекой юности...

Одновременно разворачиваются события времен Третьего Рейха, где их участниками становится верхушка Рейха: Гитлер и сладкая парочка — Ева Браун и ее зять — обергруппенфюрер СС, офицер связи между ставками Гитлера и Гимmlера — Герман Фогеляйн. Именно оттуда тянутся нити к преступлению, совершенному в Сибирском городе много десятилетий спустя...

НИКОЛАЙ НОРД ЯИЧКО ГИТЛЕРА

ВМЕСТО ПРОЛОГА: СМЕРТЬ В БАРАКЕ

Николай взошел на крыльцо старого барака, хлопавшего на ветру ржавыми, железными листами на просевшей от времени крыше, и оказался в подъезде, тонувшем в буром, пропахшим кислятиной, полумраке — единственная лампочка здесь оказалась разбита. Постучался в знакомую дверь, из-за которой мерно бормотало то ли радио, то ли телевизор. Диктор бодро докладывал об успехах продовольственной программы, обещавшей, в неопределенной перспективе, накормить всю страну продуктами питания первой необходимости. Другого ответа на стук не было. Не было ответа и на повторный, более громкий стук. Николай толкнул дверь. Она распахнулась.

Первое, что ощутил Николай, едва переступив порог, — это крепкий запах сивухи, сбивавшей с ног. Теперь, кроме телевизора, вещавшего новости, добавился неприятный звук гудения целого сонма мух. Мухи были повсюду — они облепили окна и стены, ползали по столу, где стояли два мутных, заляпанных жирными пальцами, стакана, в самих

стаканах. Они роились на кусках уже подсохшей селедки, нарезанной прямо на клеенке стола, кучковались на кусках наломанного хлеба, кружили над помойным ведром, заменявшим тут ночной нужник, покрыли черным крапом и самого хозяина комнатухи.

Он лежал на топчане, застланным засаленным лоскутным одеялом, прямо в одежде, с раскинутыми руками, словно его только что толкнули и он упал беспомощный, не в силах снова подняться. Ноги его были в рабочих ботинках на толстой резиновой подошве, и одна свешивалась вниз, касаясь подкованным носком пола. Глаза были открыты и выпучены, чуть не вываливаясь из орбит, и придавали ему вид большого сома, вчера еще уснувшего на крючке и только сегодня вытасченного на берег. В ощеренный его рот, из под верхней губы которого торчали, словно у крысы, два передних желтых зуба, заползали и вылетали все те же синие и золоченые мухи.

Николай подошел к лежащему и взялся за его пульс, взметнув облако напуганных насекомых. Тот не отзывался, но и ежу было понятно, что этот человек мертв. Правда внешне синяков, ссадин, или иных следов какого либо насилия, на трупe не было. Николай повернулся к столу, нагнулся над ним и понюхал оба, наполовину наполненных стакана. От одного убойно несло спиртом — не

водкой, у той запах был много мягче — от другого только селедкой, значит, в нем была простая вода. Обратил Николай внимание и на пустую бутылку без этикетки, она выглядывала из-под топчана.

Николай достал из кармана платок и через него, не касаясь пальцами рук бутылки, поднял ее и тоже понюхал. От нее исходил все тот запах спирта плохого качества. Аккуратно положив бутылку на место, он еще раз посмотрел на синюшное лицо мертвеца, в мохнатых ушах которого мухи уже откладывали свои личинки.

«Что ж ты напился до смерти, дурья твоя башка? Почему не дождался меня? Я ведь знаю, ты хотел сказать мне что-то важное, наверное, назвать убийцу. А, может, тебя специально кто-то опоил?» — размышлял Николай.

Он закрыл уши руками — так гулко в них застучала кровь. Его обуял прилив ярости. В этот момент он решил, что кто-то все время опережает его на полшага и не дает ухватить за ниточку, которая позволила бы выйти на след преступника...

ГЛАВА 1

КОПЬЕ СУДЬБЫ

Молодой человек возрастом чуть более двадцати лет, в светлом льняном, слегка примятом костюме, с заспанным лицом, на котором короткая

щеточка усов, под нависшим над ними крупным удлинённым носом, казалась искусственно приклеенной, стоял перед Венским замком Хоффбург на Альбертинплатц, 1 — зимней резиденцией Австрийских императоров династии Габсбургов. Он переминался с ноги на ногу, словно нетерпеливый скакун перед стартом, и шевелил пальцами рук, со следами краски на них, будто пытаясь ими за что-то ухватиться.

Великолепный комплекс зданий, с бесчисленными пристройками, статуями, колоннами, на фасаде и во внутренних двориках, возводимых столетиями, поражал его своим великолепием и роскошью. Ослепительная мраморная белизна дворцов была подсвечена золотом восхода, поджигавшего алое пламя в их стеклах. Здесь было место обетованное для небожителей — семьи Его Величества и императорского двора. Но последний позлащенный век дворянского величия недавно канул в лету и ныне, в наступившем двадцатом веке плебеев и демоса, многие из строений комплекса были превращены в музеи, и туда допускалась обычная публика приобщиться к истории Священной Римской Империи. А, значит, в сказку теперь мог попасть любой простолюдин.

Молодой человек был из числа этих самых последних, жаждавших оказаться внутри этого

великолепия и самой Истории. Однако в сей ранний утренний час двери Хоффбурга пока что были затворены для посетителей, и до их открытия ему надо было томиться тут еще долгих полтора часа...

Пожилой здоровенный дворник, подметавший площадь перед дворцом, с прокуренными до желтизны усами и задубелым лицом старого моряка, только что сошедшего на пенсию прямо с палубы корабля, как бы ненароком, толкнул юношу древком своей метлы в бок, но вместо извинения язвительно буркнул:

— Нечего шляться тут в самую рань и мешать нести службу честным людям...

Молодой человек вздрогнул, вышел из ступора, ответил дворнику презрительным холодом синих глаз и отступил в сторону, давая ему дорогу, но дворник, словно не замечая, по-прежнему присутствовавшего здесь хлюпика, размашистым движением окатил того густым клубом пыли. Парень тихо выругался, сжал руки в кулаки, но связываться со здоровяком не стал. Отряхнувшись, он обернулся на удаляющегося под равномерные взмахи метлы дворника и бросил ему вслед обиженным голосом особенно звонко прозвучавшего в утренней тишине:

— Я — Адольф!

С таким же успехом на дворника действовали трели жаворонков, стригущих бледное утреннее

небо, и он, не обращая на худосочного парня абсолютно никакого внимания, продолжал добросовестно выполнять свою работу.

Адольф сел на скамейку и едва не заплакал, он вдруг на секунду почувствовал себя насекомым в этом огромном мире, до которого никому нет дела и которого, при случае, могут походя прихлопнуть какой-нибудь мухобойкой.

Вчера он уже был в музее и провел большую часть дня в художественной галерее, которая изначально несколько веков назад была построена императором Максимилианом II, как обычная конюшня. Там Адольф прилежно изучал шедевры мировой живописи, присматриваясь к манерам письма великих художников ушедшей и нынешних эпох и делая для себя заметки. Нет, не в записной книжке — просто в уме, поскольку сызмальства обладал феноменальной памятью. Ведь Адольф позиционировал себя, как академического художника, хотя он и не имел специального художественного образования.

В свое время в 1907 году, проведением Фатума, готовившего его на совершенно иную роль в жизни, парень провалился при поступлении в Венскую академию художеств. Пойдя успешно первый тур, он не прошел второй по чистому недоразумению: его «срезали» с формулировкой «мало изображений головы»! А все дело было в

том, что среди его работ, привезенных с собой из Линца, где он жил, не было портретов — сплошь пейзажи и натюрморты, а второй этап экзаменов в академии заключался именно в оценке портретной живописи. И, в итоге, оценивать было нечего, возвращаться же за ними в родной город было поздно — приемная комиссия его ждать не собиралась.

Тем не менее, Адольф не бросил кисти и палитру и продолжал творить и не без успеха, его картины хорошо раскупались, и вскоре ему оказалось без надобности продавать их самому — это стал делать за него нанятый им агент. Сам же Адольф целиком посвятил себя творчеству и самообразованию. С этой целью вчера он и оказался во дворце Хоффбург — ведь он мечтал стать не просто художником, а Великим Художником. И вот неожиданно его умонастроения и взгляды на свое будущее в корне изменились...

Это произошло вчера, когда взволнованный впечатлениями, почерпанных от полотен величайших художников, и полный новых творческих идей, он покидал дворцовый комплекс, следуя на выход через многочисленные коридоры и галереи. Случайно он оказался в зале сокровищ Габсбургов. Проходя мимо вереницы витражей и скользя по ним беглым взглядом, Адольф немного задерживался лишь у таких значимых сакральных

знаков Священной Римской Империи, как корона Карла Великого, его меч, императорская мантия, глобус крестоносцев.

Но вот его внимание привлек к себе особенно примечательный экспонат, заставивший молодого человека остановиться тут и более уже никуда не ступить, словно приковав к себе его невидимой цепью. Непонятно по какой причине сердце юноши учащенно забилось, а ладони покрылись горячим потом. Перед его взором предстал почерневший от времени железный наконечник. Он покоился на ложе из красного бархата, а длинное и тонкое острие поддерживали металлические подпорки.

Из пояснительной таблички Адольф узнал, что эта простая с виду железка имела свое имя и называлась Копьем Судьбы. В той же табличке было напечатано старинное предание, согласно которому римский центурион Гай Кассий, из жалости, нанес этим Копьем «удар милосердия» Иисусу Христу в подреберье, дабы прервать его муки живого распятия.

Адольф не сразу осознал как до него, словно мысли из глубин собственного сознания, доносятся слова гида, который приблизился сюда с группой школяров совершенно для него незаметно, ввиду его душевного состояния. Седой старичок-экскурсовод в золоченом пенсне на

заостренном, словно птичий клюв, носу, совершенно безо всяких эмоций, заученными годами словами, рассказывал юным шалопаям, окружавших его с разинутыми от любопытства ртами, историю покоящегося под стеклом старого наконечника:

— Так вот, мои юные друзья, отправив на тот свет Иисуса Христа, Гай Кассий уверовал в него как в Сына Божьего и стал христианином, а впоследствии был канонизирован как святой под именем Лонгин. Само же Копье, тотчас же после «удара милосердия», обрело свой священный статус, и ныне является одной из важнейших реликвий христианского мира.

— А Габсбурги тоже владели копьем? — спросил один из гимназистов — рыжий мальчуган, с бледным, усыпанным веснушками, лицом и золотушными ушами.

Экскурсовод, не ожидавший лишних вопросов, оживился, он вдохнул воздуха в узкую птичью грудь, расправил угловатые плечи и продолжил свою речь уже с видимым воодушевлением:

— Юные мои друзья! Вот что я вам скажу: имеется множество версий истории копья Лонгина. По одной из них, святой Иосиф Аримофейский, присутствовавший на распятии Христа и собравший его кровь после удара Кассием в особый

золотой сосуд, позже названный Чашей Грааля, выпросил у центуриона и священное копье. Через некоторое время эту Чашу и Копье Судьбы он вывез в Британию, где передал святыни в руки «Короля-рыболова». Дальнейшая судьба Чаши неизвестна, а вот Копье, неким образом, попало к императору Константину Великому, когда он осматривал место для закладки своей новой столицы — города Константинополя. По легенде, Копьем владел и император Юстиниан, последний из великих римских императоров. Затем Копье всплыло при дворе Карла Великого, который провел около полусотни победоносных военных кампаний. Копьем Лонгина обладали германские императоры Фридрих Барбаросса и Фридрих II. Затем оно оказалось у Императора Священной Римской империи Сигизмунда I, и тот постоянным местом хранения реликвии избрал собор Святой Екатерины в Нюрнберге. В последний раз его затребовал к себе Наполеон перед битвой при Аустерлице, где он одержал великую победу над превосходящим его противником. В конце концов, копьем Лонгина завладел самый могущественный императорский дом Европы — Габсбурги. И вот, благодаря этому мы с вами можем сегодня, молодые мои друзья, наслаждаться его лицезрением!

Старик любовно погладил стекло витрины

сухонькой рукой так, словно прикасался к самому Копью Судьбы. Потом добавил задумчиво:

— Конечно, все это предания, как говорится, старины глубокой. Однако стоит к ним добавить еще одно поверье: кто откроет тайну Копья, тот обретет могущество и получит власть над миром для свершения Добра или Зла. Причем, из всех перечисленных мною бывших владельцев этого сокровища, достоверно и бесспорно известны имена только шестерых правителей. Я не знаю, к худу это или к добру, но никто из них эту заветную тайну так и не открыл. Может, ее откроет седьмой...

Все тот же золотушный гимназист, теперь уже стоящий с раскрытой тетрадкой и карандашом в руках и что-то туда записывавший, полюбопытствовал снова:

— А как вы думаете, герр гид, кто станет этим самым седьмым? Может ли им оказаться кайзер Вильгельм II или им будет кронпринц Франц Фердинанд?

Старичок снисходительно улыбнулся, потрепал мальчишку за рыжие вихры и сказал:

— Император Вильгельм уже стар, кронпринц Фердинанд... По-моему, в душе он человек далеко не военный... Но кто его знает? Это ведомо лишь одному Проведению. Да вот, может быть, даже вот этот молодой человек станет этим самым

седьмым, — и гид шевельнул рукой в сторону Адольфа.

Детишки засмеялись этой нелепой шутке, и вся компания двинулась в следующий зал.

Рассказ экскурсовода, а тем более последнее его замечание, которое Адольф совершенно не принял критически, произвели на него огромное впечатление, и он заворожено склонился к витрине, чтобы рассмотреть Копье вблизи еще раз более внимательно.

В ту же секунду он осознал, что наступил знаменательный момент в его жизни. Однако Адольф не понимал, как этот чисто христианский символ мог вызвать у него столь сильное волнение. Ведь Адольф, хоть и был верующим, но никогда не понимал мотивы поведения Иисуса Христа, безвольно обрекшего себя на распятие, хотя в его воле и силах было не допустить подобного. Какой же тогда он был Царь Иудейский? Ведь изначально ясно: нельзя управлять другими, если признавать их равными себе.

Долгие часы и минуты Адольф продолжал стоять тут, рассматривая Копье, совершенно забыв обо всем, что происходило вокруг. Казалось, старое железо хранит какую-то тайну, от него ускользавшую, однако юношей владело такое чувство, будто он знал о ней инстинктивно, не будучи в состоянии проанализировать ее смысл в

своём сознании. Копье было чем-то вроде магического носителя некоего откровения, которое могло открыть такое прозрение в идеи мира, что человеческое воображение, которому бы оно открылось, могло показаться более реальным, чем реальность материального мира.

Было такое ощущение, будто столетия тому назад Адольф уже держал это копье в руках, и оно дало ему свое могущество. Но как это следовало воспринимать? И что за безумие овладело в этот момент разумом молодого человека и родило бурю в его сердце?...

Так юноша простаивал в мистическом очаровании перед Копьем Лонгина, пока напоминание все того же старичка-экскурсовода о том, что музей закрывается, заставило его очнуться и покинуть зал.

Ночью Адольф не сомкнул глаз, и сегодня с раннего утра он вновь слонялся перед Хоффбургом, томясь в ожидании его открытия... Когда же двери музея, наконец, распахнулись, он вбежал в знакомый ему зал и вновь погрузился в созерцание Копья Лонгина.

И вот в какой-то момент воздух в помещении вдруг стал удушливым, словно подуло ветром из самой Преисподней, так что Адольф едва был в силах дышать. Обжигающая атмосфера музейного зала, казалось, расплывалась перед его глазами. И

тут перед ним внезапно возникла колеблющаяся фигура некоего существа, некоего сверхчеловека огромного роста, заставившая его затрепетать. Едва глянув на него, молодой человек решил, что это и есть тот, кто вознесет его надо всем человечеством. Адольф физически, каждой клеточкой кожи, ощущал Его возвышенный разум, опасный для недругов, и чувствовал себя перед ним раскрытой для чтения книгой. А бесстрашное и жесткое выражение лица незнакомца внушало ему безотчетную панику.

С почтительным благоговением и, в то же время, с опаской, не зная, каким образом назвать своего визави, Адольф пробормотал вмиг осипшим голосом:

— Я предлагаю вам свою душу, дабы она стала инструментом вашей воли. Позвольте же мне в обмен на нее — ваше обещание моей власти над миром.

Монстр протянул руку к Копью Судьбы, которая непонятным образом проникла сквозь витрину, будто через обыкновенную паутину, и достал его оттуда, после чего направил острие Копья на юношу, целясь прямо в сердце. Адольф решил, что настал его смертный час и в ужасе упал перед ним на колени.

— Адольф! — голосом, звучащим глухо и грозно, как звуки боевого тамтама, заговорил

страшный незнакомец. — Ты избран нами для величайшей миссии — создания великого хаоса, из которого возродится новый великий порядок. Но для реализации наших замыслов тебе придется отказаться от жены и семьи, отказаться от любви, чувств и всего человеческого. Великая идея станет твоей женой. И ты будешь жестоко страдать, тебя будут предавать, пытаться убить, и весь остальной мир объединится против тебя. В своей борьбе тебе, если потребуется, придется положить и саму свою жизнь. Готов ли ты к этому, готов ли служить нам и нашей идее до конца своих дней?

Молодой человек совершенно не удивился, когда его назвали по имени, совсем другие чувства обуревали им сейчас.

— Готов, готов, готов... — забормотал он в каком-то экстатическом трансе, простерев к стопам неизвестного руки, которые вместо ног почему-то ощутили на их месте колкую, морозящую пустоту.

— Что ж, отныне душа твоя пребывает у нас в залоге — ты сам об этом просил. И ты получишь власть над миром. Невиданную власть! А мы поможем тебе. Мы и наши советники в нужное время будут с тобой рядом. Смотри, не разочаруй же нас.

Несмотря на свое полуобморочное состояние, густо замешанное на дикой помеси страха и торжества, Адольфу страстно хотелось спросить,

кто же это стоял перед ним: Дьявол, Высший разум или некто иной из Неведомых и Великих? И он осмелился на вопрос, который задал, не поднимая головы и дребезжащим голосом:

— Кто вы?

— Есть на Востоке древний город, недоступный для простых смертных. Этим городом управляю я. Там одни величают меня Повелителем Мира, другие — Королем Ужасов. Подписавшие со мной пакт и посвятившие себя мне, способны изменить жизнь на Земле на тысячелетия и дать смысл ныне бесцельному уделу человечества. Более подробный ответ на этот вопрос подразумевает твою смерть. Ты хочешь умереть раньше времени, не выполнив своего предназначения?

У юноши запылали щеки — значит, он действительно предназначен для чего-то очень значимого, способного перевернуть само мироздание! Он замотал головой, словно пес, выскочивший из реки и стряхивавший с нее воду, и в этот момент услышал набатный глас:

— Посвящаю!.. — наконецником Копья Судьбы, монстр коснулся левого плеча молодого человека.

Это прикосновение священного железа показалось Адольфу ударом молнии в плечо, и он, потеряв сознание, распростерся на мраморном полу.

...Когда юноша очнулся, в зале уже никого не было, а Копье Лонгина все так же занимало свое прежнее место на алом, словно только что политом божьей кровью, бархате.

Адольф силился вспомнить, что же такое с ним тут произошло, и каким образом он оказался в полном бесчувствии. В голове у него мельтешили какие-то смутные картины марширующих полчищ солдат на плацу, огненные вихри горящих городов, ревущие в небе самолеты, грохот орудий, визг пуль, стоны и вопли, обезумевших от горя и страха людей... Но все эти картинки были накрошены и свалены в его мозгу в одну кучу, словно осколки огромной мозаики, которая никак не складывалась в единую целостную картину так, чтобы можно было просмотреть это гигантское панно полностью — от начала и до конца.

С этого момента Копье Лонгина стало для Адольфа священным символом, носителем некоего магического откровения. Он уверился в том, что прошел посвящение в сущность Копья Судьбы и овладел сокровенным знанием. Все происшедшее с ним несколько минут назад он посчитал заключением с Провидением некоего Договора, который дал ему огромную силу и могущество. Мистическое озарение, правда, не было им до конца понято, но он полагал, что это лишь дело времени, и мозаика сущего, показанная ему, в

будущем, в конце концов, сложится воедино. И отныне молодым человеком овладел комплекс собственной избранности: он искренне проникся верой в то, что предназначен править миром.

Адольф, все еще под впечатлением случившегося, весь в себе, медленно покинул музей. Пройдя по усыпанной гравием дорожке сотню шагов, он обернулся на дворцовый комплекс. Еще сегодня утром, взирая на этот олимп роскоши и славы жадным, всепоглощающим взглядом, в своих безумных, смутных и, может быть, безнадежных грезах, хлипкий юноша мнил себя то императором Фердинандом I, то Рудольфом II, а то даже и великим Фридрихом Барбароссой, в серебряных латах и со всеми атрибутами рыцаря — перевязью, рыцарским поясом и золотыми шпорами в окружении блестящей свиты.

Но теперь, в этот миг торжества, Адольфу казалось, что он обречен стать не просто властелином Империи, он видел себя покорителем всей Ойкумены. А дворцы им воздвигнутые, превысят величие самих пирамид Египетских, его изваяния отодвинут в тень, возвышающиеся здесь конные статуи герцога Евгения Савойского и императора Йозефа II.

Губы молодого человека, поджатые и вытянутые в сплошную упрямую линию, растянула удовлетворенная ухмылка — так будет! И сегодня

он переступил незримую черту, за которой проступала непроницаемая бездна, обжигающая его душу языками кровавых сполохов. Но это уже не могло остановить его, хотя молодой человек до сих пор толком и не представлял себе, какова она будет эта грядущая реальность. Просто он знал, он был уверен, что эту реальность творить будет он и никто другой — иначе быть просто не может.

Адольф ускорил шаги, словно стремясь быстрее попасть в это заветное будущее. Удаляясь от дворцового комплекса он заметил все того же дворника, которого видел ранним утром и который сейчас заканчивал свою работу на площади Альбертинаплатц на аллее, открывающей дорогу в музей. Юноша вспомнил, как был им незаслуженно обижен утром и остановился.

— Я Адольф Гитлер! — гордо и с металлом в голосе выкрикнул молодой человек. — Ты еще услышишь обо мне, насекомое! — уже тише и глуше, с шипящим присвистом, проговорил юноша, отчего слова его прозвучали зловеще.

В это время откуда-то издалека, из надвигающейся из-за горизонта свинцовой, мрачной тучи, полыхнула молния, и следом прокатились раскаты далекого грома.

Дворник обернулся к Адольфу и оперся на метлу. Что-то в выражении лица этого парня, заставило его сдвинуть картуз на затылок, а потом и

вовсе снять его. Он даже дернулся было, чтобы склониться перед ним в поклоне, но, то ли опомнился, то ли сдержался и лишь обескуражено хлопал белесыми ресницами круглых поросячьих своих глаз.

А молодой человек, отвернулся и сел на скамью, тут же забыв про старого моряка. Он прикрыл глаза и снова мысленно стал проигрывать только что пережитую встречу, снова пытался восстановить в памяти открывшееся ему видение, но картинка, почему-то, никак не складывалась. Мало того, на нее теперь не было даже никакого намека, а один только черный, дымный провал, оставлявший в перегретом мозгу лишь невыразимое возбуждение, временами граничащее с каким-то нечеловеческим, животным экстазом, от которого потряхивало коленки.

Когда Адольф открыл глаза, то в первую минуту не смог даже сообразить, где и в каком времени он находится — так все перемешалось в его голове: и места и эпохи. Ни к кому не обращаясь, а как бы сам с собой разговаривая, он спросил:

— Какой сейчас год?

Дворник, так и остававшийся неподвижно стоять невдалеке и все это время с неподдельным интересом наблюдавший за юношей, почтительно отозвался:

— 1912-ый, герр Гитлер...

ГЛАВА 2 ЯИЧКО КАЩЕЯ

*5 октября 1916 года.
Речка Сомме вблизи Ле
Баргюр, Франция...*

Англичане наступали мелкими перебежками, прикрываясь корпусом своего страшного танка «Марк» I, получивший у немецких солдат прозвище «самец» за то, что он превосходил габаритами все другие танки Первой Мировой войны. Он напозлал на немецкие позиции, свободно проникая через проволочные заграждения, изрыгая из себя сполохи огненных пушечных залпов и стуча пулеметом, осыпавшего обороняющихся роями визжащих пуль.

На этом участке фронта у немцев не было пушек, и остановить страшного монстра пулеметами и винтовками не представлялось возможным. И среди кайзеровских солдат, впервые увидевших железное чудище на гусеницах, началась паника: кто-то от ужаса сходил с ума, а кое-кто попросту стал драпать с позиций, несмотря на отчаянные призывы командиров, вернуться назад.

Адольф был храбрым бойцом, он был на

фронте почти с самого начала войны, имел звание ефрейтора и уже был награжден Железным крестом. Он презирал трусов, и сейчас сидел в окопе, вжавшись головой в земляной вал и оставив между ним и каской лишь узкую щелочку для глаз. Рука его судорожно сжимала связку гранат, и он пристально следил за надвигающейся на него стальной машиной, ожидая момент, когда та приблизится настолько, чтобы он смог совершить в нее прицельный бросок. Когда до танка оставалось не более десятка метров, Адольф швырнул в него тяжелую связку.

Рвануло так, что задрожало под ногами, ввысь взметнулся столб жаркого пламени — очевидно осколками пробило бензобак или взорвалась боеукладка. Железная сатанина вздрогнула и остановилась, а пушка на башне безвольно свесилась вниз. Из подбитой машины выпрыгнул лишь один единственный горящий танкист, остальные, видимо, мгновенно погибли внутри пылающей машины. Спасшийся танкист и не думал куда бежать, а, душераздирающе крича, принялся кататься по земле, пытаясь сбить с себя пламя. На помощь ему никто не пришел — английские солдаты поспешно отступали, а немцам не было до него никакого дела. Они, воодушевленные небывалым успехом, повыскакивали из окопов и с победным кличем бросились на противника в

стремительную атаку. Подключились к ней вторым эшелонном и вернувшиеся в строй паникеры, еще минуту назад давшие из окопов драпака.

Адольф, с винтовкой в руках, ринулся на англичан в числе первых. Но не пробежал он и сотни метров, как взрыв мины, от которого у Адольфа едва не лопнули ушные перепонки, бросил его наземь, повергнув сознание во мрак. Комья вывороченной взрывом земли присыпали его неподвижное тел.

...Адольф очнулся от едкого запаха горелого масла, который, после прошлогодней газовой атаки, пережитой им не без последствий для легких, действовал на его нос, словно нашатырь — это черным, жирным дымом смердело от, все еще горящего, «Марка». Голова Адольфа раскалывалась, будто зажатая в тисы, и в ней шумело, словно где-то недалеко журчала вода, падающая с мельничной плотины.

Бой был, по-видимому, уже закончен, и на искореженной воронками земле он увидел множество застывших мертвых и шевелящихся раненых бойцов, как своих соратников, так и противников. Отовсюду слышались стоны и крики искалеченных. Сновавшие по полю в белых халатах солдаты медицинской службы не обращали никакого внимания на англичан и подбирали,

прежде всего, своих и переносили их к запряженным повозкам для транспортировки в полевой госпиталь, расположенный за холмом в деревушке Ле Баргюр, в миле от линии фронта.

Адольф попытался подняться, но резкая боль в паху не дала ему этого сделать и он тоже невольно застонал. Пара полковых санитаров прошла мимо него — наверное, его слабый и сдержанный стон попросту утонул в общей какофонии стенаний. Адольф закричал как можно громче, призывая их вернуться за ним. Его охрипший голос, наконец, был услышан и к нему подошли.

— Ну, что ты кричишь, как черт безлошадный, вас тут тыщи таких, а нас сколько? Сейчас займемся, крикун ты этакий, — склонился над ним один из санитаров, уже немолодой мужчина с землистого цвета лицом. Гнилой запахом из его рта, перебивал даже едкую гарь, стелящуюся низом от танка. — Сам-то что, подняться не можешь? — он грубо взял Адольфа подмышки.

— Э-э, эго ему пах разворотило! — отозвался второй санитар, помоложе первого, с лицом конченого дауна, который ухватился за ноги Адольфа, отчего земля с него осыпалась, и открыла место ранения. — Подожди, Клаус, надо сначала перебинтовать его, а то может до госпиталя не

доехать — крови много потеряет.

Он разрезал ножницами штанины и стал бинтовать Адольфу бедро и пах.

— А что там такое? — скривив от боли лицо и не в силах приподняться, чтобы посмотреть, что с ним случилось, спросил Адольф.

— Кажись парень, тебе яйца оторвало, — с глупой детской улыбкой ответил даун, будто речь шла всего лишь об оторванных ушах.

— И что, теперь у меня не будет детей? — со слезами жалости к самому себе заголосил Адольф. — Скажи мне, падла, правду!

— Что ты его пугаешь, Ганс? Парню и так плохо, — с упреком сказал пожилой дауну. — А ты, крикун, кончай голосить, как баба. Ничего страшного нет, видно только, что мошонка порвана, одно яичко на месте, второе тоже целое, только болтается на какой-то жилочке. Может, доктор и пришьет его — откуда нам знать?

— Так что ж вы стоите, идиоты!? Давайте же, несите меня скорее!

Когда Адольфа подтащили к повозке, та уже была полная и собиралась трогаться в путь, другая же только начала заполняться ранеными, и было неизвестно, сколько еще нужно будет ждать до отправки. Но Адольф так кричал, так умолял взять его немедленно, что над ним сжалились и взяли с собой, отсадив в неполную телегу солдата с

перебитой ногой.

Когда повозка подкатила к одной из просторных палаток полевого госпиталя, перед которой лежала очередь из раненых, ожидавших хирургического вмешательства, Адольф снова поднял невообразимый шум.

— Пропустите же меня первым, черт бы вас всех побрал! — кричал он хриплым и пронзительным голосом. — Это важно, очень важно, я тяжело ранен!

В ответ слышались недовольный ропот, немалого количества жаждущих поскорее попасть под хирургический скальпель:

— Если тяжело, так чо орешь? Тяжелые все, вон, молчат...

— Да что ему объяснять, тут доктор все решает — кто тяжёлый, кому вперед, а кто и подождет.

— Доктора мне, доктора, умираю! — еще отчаяннее завопил Адольф.

В это время из распахнувшегося проема палатки вынесли какого-то прооперированного офицера, и следом за ним вышел мужчина средних лет в испачканном кровью белом халате и с моноклем на усталом, с окаменелой угрюмостью, лице. Он повернулся в сторону Адольфа и резким фальцетом спросил:

— Кто этот крикун?

Адольфа неприятно укололо это слово «крикун», которое стало для него теперь чуть ли не нарицательным, однако он проглотил обиду и поспешил представиться, пытаясь приподнять голову, хотя в его положение это было и нелегко:

— Ефрейтор третьей роты шестнадцатого резервного полка Адольф Гитлер, герр доктор!

— Послушайте, ефрейтор, вы что тут вопиете, будто рожать собрались?

— Ну, вроде того, — густо покраснев, отозвался Адольф. — Посмотрите сами...

На лице хирурга отобразилось недоумение, он переглянулся со стоявшим возле Адольфа санитаром, который лишь с усмешкой пожал плечами, и снова воззрился на Адольфа. Потом дал санитару знак, и тот сдернул с Адольфа прикрывавшую его простынь. Осмотрев рану, доктор дал команду нести Адольфа в операционную.

— Ну-с, правое яичко мы, пожалуй, спасем вам, ефрейтор, а вот левое придется отнять, отнять, — сказал он Адольфу растягивая последнее слово, пока того готовили к операции.

— Герр доктор, но ведь оно не оторвано совсем, неужели нельзя пришить его назад? Прошу вас, герр доктор, спасите яичко!

— Послушайте, ефрейтор, это отнимет уйму нашего драгоценного времени, я и так вас взял без

очереди, а, между тем, тут ждут помощи сотня парней с более тяжелыми ранениями. Вот на том столе лежит солдат, которому надо срочно пришить голову — держится лишь на позвоночном столбе. Если мы не возьмемся за него через пять минут, то он отдаст богу душу. Это-то вы хоть понимаете, ефрейтор? А вы тут стенаете по поводу какого-то яичка...

— Но ведь без него я не смогу жениться и у меня не будет детей! — в отчаянии воскликнул Адольф, готовый вот-вот заплакать.

— Ерунда! — безапелляционно заявил хирург, принимая из рук помощника страшный скальпель. — У меня сосед был, хороший парень, только пьяница ужас какой. Так он однажды заснул в своем свинарнике пьяный в муку, и спал чуть не двое суток беспробудно, пока не проснулся от чудовищной боли. Это голодные некормленные свиньи принялись есть его самого. Успели бедра кусок отгрызть, а, самое интересное, — как раз одно яичко. И что вы думаете, ефрейтор? Он вылечился, бросил пить, женился и даже еще и пару детишек заделал. Мальчика и девочку, хорошенькую такую.

— А зачем вам дети? Вы уже и так женаты... — это сказал, вдруг неизвестно как оказавшийся в палатке, санитар в чистом, незапятнанном ни капелькой крови, белом халате, с

монголоидным лицом и пронизательным, гипнотическим, взглядом черных, узких глаз. В руках, на которые были натянуты зеленые лайковые перчатки, он держал большой никелированный сосуд с навинченной на него медной крышкой, и черный, кожаный кофр.

— Вы меня с кем-то спутали, на ком это я женат? — повернул к нему искаженное страданием лицо Адольф.

— На Германии...

В воцарившейся тишине, все присутствовавшие в палатке, обернулись на странного незнакомца.

— А вы, собственно, кто сами-то будете? — спросил его доктор, посмотрев на него так, словно удостоверился, все ли у того в порядке с мозгами.

— Меня зовут Сахиб, — с легким акцентом представился незнакомец. — Сам я из далекого города на Востоке, название которого вам ничего не скажет. В дар от нашей общины я привез в лазарет Красного Креста в Беелице медикаменты и новейший хирургический инструмент. Оттуда меня напрямиком направили в ваш полевой госпиталь. Машину с лекарствами уже разгружают ваши люди, а инструмент для вас доктор я принес лично сам, — ответил гость, качнув кофром.

— А, ну спасибо! Поставьте сумку в угол, потом разберемся с ней на досуге, сейчас мне, сами

понимаете, не до этого.

Тем временем помощник доктора подготовил Адольфа к операции и сделал ему инъекцию наркоза, который, впрочем, на Адольфа действовал слабо.

— Что он крутит головой, доза маленькая? — спросил хирург помощника.

— Да обычная доза, просто не берет его что-то.

— Нам некогда ждать, еще до черта тут тех, кого резать надо, — нетерпеливо произнес доктор и легонько ткнул скальпелем Адольфа в бедро. — Чувствуете что-нибудь, ефрейтор?

Адольф не почувствовал никакой боли и отрицательно помотал головой. Он силился поднять голову и посмотреть, что там с ним вытворяют.

— Тогда приступим, — деловито проговорил доктор и ловко отчикнул ему одно яичко.

Он бросил его на стоящий рядом стол, где уже лежали окровавленные части человеческих тел, отрезанные ранее — кисти рук, ноги, кишки...

Наркоз, наконец-то, начал воздействовать на Адольфа, сознание его стало туманиться, но он еще успел заметить, как незнакомец взял яичко со стола и бережно положил его в свой блестящий сосуд, после чего покинул палатку...

ГЛАВА 3

НЕПРИЯТНАЯ НОВОСТЬ

Николай, наконец, въехал во двор своего дома и заглушил мотор. Он проехал более пятидесяти километров по августовской жаре, более часа крутил баранку, и устал находиться в одной и той же позе. Выйдя из машины, он расправил плечи и покачал из стороны в сторону головой, как это обычно делают боксеры на ринге, разминая мышцы шеи перед поединком.

Впрочем, в прошлом Николай и был боксером, причем, весьма незаурядным и имел титул чемпиона мира в супертяжелом весе и потому слыл известной личностью в определенных кругах. И хотя его нынешняя работа в институте, где он был заведующим кафедрой и профессором, предполагала малоподвижную работу, Николай старался поддерживать физическую форму ежедневной гимнастикой и утренними пробежками в молоденьком искусственном леске в низине у Оби, в местечке, называемом в Новосибирске — Горская. Так что в свои тридцать семь он выглядел еще довольно спортивно, даже, можно сказать, атлетично, что, при собственном росте под метр девяносто, вызывало зеленую зависть не только своих сверстников мужского пола, но и тех, кто был его много моложе.

Что касается дам, то их восхищенный взгляд

невольно задерживался на нем еще и по причине его довольно приятной внешности — открытое лицо, черные глаза в бархатной опушке длинных ресниц, темно-русые волосы крупной волной. Даже крупный нос на манер «а ля Депардьё» не портил общее приятное впечатление от его наружности.

Зайдя в подъезд, Николай забрал из почтового ящика пару газет — «Советский спорт» и «Известия». Поднявшись на лифте домой и порадовавшись царившей в квартире прохладе, он, раздевшись, тем не менее, принял холодный душ и облачился в черный китайский шелковый халат, расшитый золотыми дракончиками. После ванны, пройдя на кухню, Николай был несколько удивлен, не обнаружив там готового ужина. Его жена Ксения никогда не готовила завтрак — Николай привык это делать сам, обычно ограничиваясь парой бутербродов и чашкой кофе, обед она делала лишь в выходные — оба они днем питались в столовых и кафе, но приготовить вкусный ужин — это было для нее святое. Значит, Ксения не просто вышла куда-то, а еще вообще не приходила домой.

Николай открыл холодильник и посмотрел на его содержимое — из того, что можно было бы сразу употребить в пищу. Там было полно всякой еды, но по вечерам Николай привык к горячему и решил пока ничего не есть и дожидаться жены. Из дверцы он взял одну лишь нераспечатанную

бутылку «Пепси-колы». Отпив несколько глотков колючего напитка, Николай, не выпуская из рук стакан, прошел в гостиную и устроился на диван, где лежали брошенные им тут газеты. Просматривая их, Николай продолжал попивать из бутылки пенную, холодную, дерущую горло, жидкость небольшими глотками, дабы ненароком не застудить горло. В это время зазвонил телефон. Николай встал и, пройдя к аппарату, поднял трубку.

— Здравствуй, Коля, — узнал он голос своей кухни Натальи. — У вас все в порядке? — в ее голосе угадывались нотки тревоги.

— Да все путем. А почему ты спрашиваешь? — насторожился он.

— Да тут такое дело... У нас сегодня милиция была, спрашивала про папин «Вальтер», ну, тот — трофейный, немецкого генерала, который папа тебе завещал. Он все еще у тебя?

— Конечно, где ж ему больше быть? Это ж для меня не просто раритетное оружие, это память о твоём отце — дяде Сереже. А что они так волнуются?

— Не знаю, они мне ничего не объяснили, но я не стала ничего скрывать, чтобы не было осложнений, и сказала им где «Вальтер». Я не подвела тебя?

— Да пустяки, не бери в голову! Спасибо за предупреждение, если вдруг менты заявятся, я буду

ГОТОВ.

— А я вам еще днем звонила, — Николай даже через трубку услышал вздох облегчения на том конце провода, — но никто к телефону не подходил — ни ты, ни Ксюша. Я подумала, сегодня воскресенье, может, отдыхаете где за городом, вот только сейчас вечером еще раз на всякий случай звякнула.

— Да я на дачу к сыну еще вчера утром уехал, несколько минут, как вернулся, а Ксения, наверное, в своей мастерской — готовится. Завтра в картинной галерее у нее выставка, заходи, она приглашает.

— Постараюсь. Как там Вадику на даче отдыхается?

— Да все в порядке — кормят хорошо, по лесу гуляют, купаться еще не разрешают — маленький, трех лет еще нет. Тебе привет передавал.

— Пусть сначала говорить научится! — засмеялась Наталья, в голосе которой уже не чувствовалось напряжения. — Пока! Ксюше мое с кисточкой!

— Ладно, пока.

— Да, Коля, я тебе ничего не говорила!

— Я понял...

Николай вернулся к газетам, но в этот момент в квартиру позвонили. Николай, обрадованный тем,

что Ксения, наконец-то, прибыла, быстрым шагом направился в коридор, крича на ходу: «Иду, иду!». Однако, распахнув дверь, он, к своему глубокому разочарованию, увидел на лестничной площадке местного участкового — азербайджанца Али и с ним еще какого-то мужчину в штатском, с потертым, из коззама, портфелем в руках.

— Здравствуйте, товарищ Север! Вот, тут следователь из уголовного розыска поговорить с вами хочет, — не заходя в помещение, сказал Али и развел руки, словно давая понять, что он тут ни при чем. — Ну, я, пожалуй, пойду. Я вам больше не нужен, товарищ капитан?

— Ступай, свободен, — ответил следователь. — Можно?

— Да, конечно, — ответил Николай и закрыл за следователем дверь. — Я даже знаю, зачем вы пришли.

Следователь, молодой мужчина, одетый в клетчатую ковбойку и серые, мятые, с пузырями на коленях, брюки и обутый в растоптанные сандалии, боднул Николая заинтересованным взглядом:

— И насчет чего же?

— По поводу «Вальтера». Разве не так?

Вошедший хмыкнул, покачал рыжей курчавой головой, на тонкой белой шее, делавшей ее похожей на подсолнух в ветреную погоду, и посетовал:

— Не утерпела, значит, сестричка ваша.

— А что тут такого, мы же не преступники.

— Как знать, как знать... — следователь посмотрел на чистый паркетный пол, потом на свои ноги. — Где мы можем поговорить?

— Пройдемте на кухню, там кофейку или еще чего попьем, — недвусмысленно произнес Николай. — Да вы не разувайтесь.

Они прошли на кухню, где сыщик, сел за столик и положил портфель на колени.

— Я следователь угро, капитан Мальцев Анатолий Иванович, — представился милиционер, расстегивая свой портфель.

— Ну, а я — Николай Север, профессор, — ответил Николай, ничуть не обидевшись на то, что сыщик не подал ему руки — что поделаешь, человек на службе. — Участковый, наверное, уже выложил про меня все?

— Не так уж и много, но кое-что остальное мне было уже известно.

— А что конкретно?

— Ну, как же, ведь вы знаменитый боксер, кумир многих пацанов. И, кроме того, лет двадцать назад побили моего брата, еще по юношам — Мальцева Андрея. Не помните?

Николай не помнил никакого Андрея Мальцева, но из вежливости сказал:

— Что-то такое вертится в голове, но точно

вспомнить не получается.

— Да вы не напрягайтесь, Николай, — раскусил его притворство сыщик. — Где уж вам его помнить? Вы на такие высоты взвились, а брат только-то до первого разряда и дошел. Кстати, я присутствовал на том вашем с ним бою, повидал вас, так сказать, в деле. Не скрою, был впечатлен! Лучше было бы Андрею не встречаться тогда с вами — вы ему челюсть сломали...

Чтобы скрыть свою неловкость, Николай поспешно спросил:

— Чай, кофе, или газировочки холодненькой? А, может, вы что покрепче предпочитаете? Есть «Столичная» и «Джамайка рум» — не забывает нас, грешных, Куба за русское сало.

Николай открыл холодильник, в дверце которого можно было увидеть различные напитки.

— Хорошо живете, — оглядывая кухню, отделанную югославским кафелем и уставленную импортной бытовой техникой «Веко», ответил Мальцев. — Чего вам не хватает?

— В смысле? — не понял Николай.

Вместо ответа следователь попросил простой холодной воды из-под крана. Отпив пару глотков, он сказал:

— Предъявите, пожалуйста, мне ваш хваленый золотой «Вальтер».

— А что, собственно, случилось?

— Можно, если вопросы здесь пока буду задавать я? — вежливо произнес капитан.

Николай несколько раздраженно поднял брови:

— Это допрос?

Следователь сделал лицо, целиком источающее доброту:

— Ну что вы, зачем же так прямо в штыки! Допрашиваем мы у себя в кабинетах, а в гостях — только беседуем, вопросыки задаем нас интересующие, так сказать, для обретения истины.

Николай пожал плечами и вышел коридор, прихватив табурет. Взобравшись на него, он открыл антресоль и, разобрав коробки с обувью и узлы с разным вещами, которые в данный момент не нужны, а, случается, остаются вообще никогда не востребованными, но которые жалко выбросить, докопался до цинка под патроны для немецкого автомата «Schmeisser». Его с войны привез с собой из Германии дядя Сережа. Потом открыл цинк и застыл в полном недоумении — он был пуст. С этой открытой цинковой коробкой он и вернулся на кухню и поставил ее перед следователем.

— Ничего не понимаю, пистолет был тут, — сказал он растерянно.

Сыщик погладил красный бархат, которым была выложена изнутри коробка и на котором отпечатался контур пистолета, и спросил:

— Давно вы видели «Вальтер» в последний раз?

— Трудно сказать... Сейчас соображу... — Николай взял себя за подбородок и невидяще уставился перед собой. — Скорее всего, месяца три назад, в мае или июне... Да, точно в мае, мы тогда выбросили старый свой шифоньер — родительский еще, камин, вместо него купили — а вещи из шифоньера рассовали по разным углам. Пистолет я запрятал на антресоль.

— Как вы думаете, куда он мог исчезнуть?

— Сам теряюсь в догадках...

— Кто еще знал о нем?

— Знала сестра, у которой вы были, жена знала.

— И всё?

— Всё. Кроме нее я никому ничего больше не говорил.

— И ваша жена знала, где он лежал?

— Разумеется. Это она предложила запрятать его туда.

— Так-так-так... — забарабанил по столу пальцами собеседник. — А где сейчас она? Через час-другой начнет темнеть, почему ее до сих пор нет дома? — вкрадчивым голосом спросил следователь.

Николай встал и включил кофеварку. Он посмотрел в окно — солнце уже пряталось за

крыши домов, и отсутствие Ксении в данных обстоятельствах начало его беспокоить. Обычно, если она где и задерживалась, то предупреждала его заранее или звонила домой.

— Так не будете кофе? — спросил он следователя и, получив отрицательный ответ, заварил только одну чашку. — Она у меня художник, должна быть в мастерской сейчас, к выставке картины готовит.

— Вы уверены?

— У меня жена глубоко порядочная женщина, если вы это имеете в виду, — теперь уже с нескрываемым раздражением ответил Николай и, сев за стол, маленькими глотками стал отпивать горячий кофе.

— Ну-ну...

Следователь запустил руку в портфель и выложил оттуда на стол пистолет, словно шулер козырного туза.

— Это ваш?

Николай поперхнулся. Перед ним, в прозрачном полиэтиленовом пакете, лежал его позолоченный и богато украшенный пистолет «Walther P-38», который невозможно было спутать ни с каким иным.

Этот пистолет был произведен по индивидуальному заказу на немецком предприятии «Mauser» под серийным номером 4621. Накладные

щечки на рукояти пистолета сделаны из слоновой кости, с резьбой, имитирующей дубовые листья, а поверх, с обеих ее сторон, имелись вставки из чистого золота в виде имперского орла со свастикой в когтях. На левой стороне, после маркировки «P-38» и года выпуска «44», читался известный лозунг СС — «Mein Ehre heisst Treue» («Моя честь — верность»). На другой стороне выгравировано имя — «Hermann Fegelein».

Пистолет этот был трофейным, и принадлежал ранее дяде Николая Севера — майору Вершинину. А по словам дяди, прежним и первым владельцем «Вальтера» был обергруппенфюрер СС Герман Фогеляйн, о чем свидетельствовала и гравировка. Оружие это являлось наградным, и было вручено генералу самим рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером еще в те времена, когда Фогеляйн служил офицером связи между ставками Гитлера Гиммлера. Позже, перед смертью, майор Вершинин завещал пистолет Николаю. Так «Вальтер» обрел своего нового хозяина.

Николай потянулся было к оружию, но следователь предупредил:

— Не надо его трогать. Так ваш это пистолет или нет?

— Мой, конечно, мой! Откуда он у вас?

— Экспертиза показала, что из пистолета совсем недавно стреляли, и вчера вечером этим

оружием было совершено убийство.

— Не может быть! Там боек подпилен, пистолет теперь просто коллекционный, иначе бы я его зарегистрировал. Неужели вы думаете, что я, при моем статусе, нарушил бы закон?

— Вы сам подпиливали боек?

— Нет, это сделал еще давно мой дядя, боевой офицер-разведчик. Я же не специалист в этом деле.

— Да, действительно, — неохотно согласился Мальцев, — боек, на самом деле, подпилен. Только это сделано небрежно, уж и не знаю, не специально ли? Вы-то сами не пробовали из него стрелять?

— Никогда! Зачем мне это?

— Вы помните, сколько патронов было в обойме?

— Конечно, я иногда его чищу, там было шесть патронов.

— А теперь там осталось только пять! Так что пистолет ваш стреляет! С осечками, через раз, но стреляет. Мы испытывали его в нашем тире.

— Не томите, капитан, говорите прямо, в чем дело?

— Из этого пистолета вчера убили человека, и на нем были отпечатки пальцев вашей жены.

— Ничего удивительного, она не раз брала его в руки.

— Вашу жену зовут Ксения, ведь так?

— И что с того? — насторожился Николай.

— А то, что свидетель убийства, сказал нам, что слышал, как убитый перед этим ссорился с какой-то женщиной и называл ее Ксенией! Если сопоставить то, чей это пистолет и это имя то...

— То, выходит, моя жена убийца! — осерчало выпалил Николай и даже засопел от негодования. — Бред какой-то! Послушайте, Анатолий Иванович, — так, кажется, вас зовут? — следователь кивнул. — Моя жена мухи не способна обидеть!

— Со временем, люди имеют свойство меняться.

— А свидетель этот, он что, только слышал, как называли имя подозреваемой или и видел ее?

— В том-то и дело, что только слышал. Свидетель этот сдавал жилье убитому, и был в смежной комнате, когда произошло убийство. Хотя дом тот и деревянный, и стены толстые и добротно сделанные, но сами комнаты разделены не только стеной, но и межкомнатными дверьми, которые, правда, много лет, как заперты, но звукоизоляция у них, сами понимаете, не ахти какая, так что свидетель слышал и перебранку, и сам выстрел.

— Слышать имя — это еще не свидетельство, надо было видеть преступника.

— Вот поэтому у нас нет полной уверенности в личности убийцы, но все косвенные доказательства налицо.

— Скажите, капитан, а почему свидетель не вышел на шум разобраться, что к чему?

У следователя лицо поплыло набок.

— Ну, во-первых, чужая ссора ему, как говорить, до лампочки. А, во-вторых, он даже поначалу не понял, что за стеной стреляли. Он принял выстрел за хлопок шампанского — у постояльца всегда не переводилось шампанское, он и квартиросдатчика этого угощал им. А когда все стихло, свидетель решил, что наступил мир, и не стал больше прислушиваться, что там за стенкой творится. Он включил телевизор и стал футбол смотреть. В это время как раз началась игра «Спартак» — его любимой команды. Квартиранту же постучал уже тогда, когда матч кончился — радостью своей поделиться от победы «Спартак» захотел. Ну и потом сразу же позвонил в милицию.

— Чепуха какая-то! Я вообще не уверен в правильности ваших выводов, капитан. Сейчас Ксения вернется, и все станет на свои места.

— Никуда она не вернется, — убежденно сказал следователь. — Мы уже с утра побывали в «Доме Художника», ее мастерская оказалась заперта. А консьержка сказала, что ваша жена сегодня в мастерских не появлялась. Последний раз она видела ее вчера около четырех часов пополудни, когда та сдавала ей ключи.

Это сообщение встревожило Николая, однако